

Чи Сяочэн посмотрела в зеркало, и сработал выданный системой навык актерского мастерства среднего уровня: на ее лице вмиг появилась хрупкая, вызывающая жалость беззащитность.

Естественно прекрасное личико и болезненный образ отлично располагали к себе окружающих.

Одежда красит человека.

Меньше всего усилий требовалось, чтобы засиять на уровне национальной богини, стоило лишь надеть что-нибудь приличное. Какая же прежняя хозяйка тела была глупышка — послушала подруг и полностью скрыла все свои достоинства.

Чи Сяочэн заплела свои послушные светло-каштановые волосы в две косички, нашла и надела очки в массивной черной оправе без диоптрий.

Эта хрупкая маленькая лоли приобрела еще и нотку интеллигентности вперемешку с наивной простотой.

Тщательно обмотав раненую ладонь белой тканью, она вышла из дома.

Поздняя осень в ноябре навевала некоторую тоску, пронизывающий прохладный ветер заставлял зябнуть хрупкое тело Чи Сяочэн.

Белые чулки на ногах спасали положение, давая немало тепла.

Выходить в одном платице было опрометчиво, следовало надеть под низ хотя бы кофту.

В воскресенье у школьных ворот было немногочленно, однако и при этом множество взглядов падало на Чи Сяочэн.

Любопытство, удивление, трепет, восхищение.

Стоило ей появиться в столь общественном месте, как Чи Сяочэн тут же распустила свою ауру.

Актерское мастерство вышло на пик. Чи Сяочэн выглядела словно заблудившийся белый кролик: прижимая к себе маленькую сумочку, она слегка опустила голову, но не настолько, чтобы скрыть свое миловидное лицо без капли косметики.

Она направилась напрямик к кафе Под бамбуком. На самом деле, идти было недалеко: стоило повернуть налево от школьных ворот, как сразу за ними начинался ряд магазинов, расположенных на территории кампуса.

— Кто это такая? Такая милашка.

— В нашей школе есть кто-то настолько милый? Никогда ее не видел.

— Может, она из другого учебного заведения? Смотрит по сторонам, как будто не знает дороги, похоже на первокурсницу.

Доносившиеся до нее обрывки разговоров заставили Чи Сяочэн, чья голова была по-прежнему опущена, слегка улыбнуться.

Изменить впечатление окружающих.

Повлиять на Су Тао через информацию, полученную из самых разных источников.

Даже заметив, что некоторые прохожие тайком фотографируют ее в профиль, она ничуть не рассердилась. Эти снимки лишь помогут лучше распространить нужные ей сведения.

Вскоре она оказалась у входа в кафе Под бамбуком. Полагаясь на свою память, Чи Сяочэн заметила сидевшего внутри Дунфан Яна, который выглядел крайне нетерпеливым.

Заметив, что он бросил взгляд в ее сторону, Чи Сяочэн поспешно опустила голову еще ниже.

Она не стала заходить внутрь. Вместо этого она в нерешительности замялась у дверей, словно не замечая Дунфан Яна, и принялась ходить туда-сюда, переступая короткими ножками. Чи Сяочэн выглядела донельзя растерянной и очаровательной, и от этого девушка-бариста за стойкой невольно подперла щеку рукой, с улыбкой наблюдая за ней.

На преисполненном крайнего нетерпения лице Дунфаня Яна наконец промелькнуло любопытство.

Затем он презрительно усмехнулся:

— Даже в кофейню зайти не может без сомнений — интересно, из какой же глуши эта дурочка.

Ему почему-то жутко не нравились такие каштановые волосы.

При этом Дунфан Ян совершенно не узнал Чи Сяочэн.

Без макияжа, в совершенно другом наряде — в образе невинной девочки с двумя хвостиками оригинальная владелица тела и вовсе себя не представляла.

Вдобавок ко всему, она была в очках в черной оправе, и издалека, если не знать ее слишком хорошо, догадаться, что это она сама, было практически невозможно.

Вскоре Дунфан Ян увидел, как эта полутораметровая дурочка, словно приняв какое-то волевое решение, подняла прелестное личико.

Ее взгляд был полон решимости, когда она уставилась на дверь кофейни.

Она с непоколебимой твердостью шагнула вперед.

Но тут же споткнулась и чуть не растянулась на ровном месте.

В панике вбежав в кофейню, она испуганно огляделась по сторонам.

И направилась прямо к нему.

Дунфан Ян приподнял бровь. Его взгляд на мгновение задержался на белых шелковых гольфах под подолом юбки, а затем переметнулся на лицо Чи Сяочэн. С недоумением он спросил:

— Ты... кто?

В его памяти не было знакомых среди таких простодушных и милых девушек.

Чи Сяочэн медленно сняла очки в черной оправе и тряхнула прядями челки, наполовину прикрывавшими глаза. Ее запечатанная красота мгновенно распустилась.

Она робко произнесла:

— Я... я Чи Сяочэн.

— Чи Сяочэн?!

Дунфан Ян резко вскочил.

Лицо его выражало крайнее потрясение.

Когда раздался голос системы, Чи Сяочэн поняла, что пришла не зря.

Она снова слегка кивнула, опушив головку:

— Это я.

Дунфан Ян лишился дар речи — он никак не мог поверить, что этот человек — и есть Чи Сяочэн!

В его памяти Чи Сяочэн сутулилась, смотрела потухшим взглядом, носила тяжелый макияж — такой, что по одному лишь лицу, не глядя на прическу, невозможно было узнать, кто перед тобой, — да к тому же в ее словах вечно сквозило немало желчи.

А теперь...

Он с ног до головы окинул взглядом Чи Сяочэн и после паузы выдавил из себя озадаченный вопрос:

— Ты... ты что, пластику сделала? Чи Сяочэн подняла лицо, уставилась на Дунфан Яна и надула губки, обиженно пробормотав:

— Я... я знаю, что некрасива, но нельзя же так говорить, я... я просто смыла макияж.

Сказав это, она снова повернула голову, протянув руку и заправив за ухо прядь каштановых волос, упавшую на висок, отчего её бледное и изящное лицо предстало во всей красе.

Её маленькие милые ушки слегка покраснели, длинные ресницы беспрестанно хлопали, а в обиженных глазах чуть ли не блестели слёзы.

Некрасива?

Просто смыла макияж?

Это точно та же самая Чи Сяочэн, что и раньше?

В этот момент Дунфан Ян потерял всякий дар речи.

Усевшись обратно в кресло, Дунфан Ян уставился прямо перед собой, а его указательный палец под ритм покачивающейся ноги застучал по столу.

Сидевшая перед ним миниатюрная девушка с хвостиками опустила веки и голову, а её руки нервно теребили край платья.

Разумм подсказывал ему, что Чи Сяочэн притворяется.

Притом играет из рук вон плохо!

Но здравый смысл подсказывал обратное: притворство не может быть настолько естественным, и столь разительную перемену во внешнем виде и поведении он до сих пор видел только у матёрых актёров из мира шоу-бизнеса.

К тому же её милое личико, тронутое лёгкой тенью усталости, совсем не располагало к тому, чтобы думать о ней плохо.

Неужели после снятия макияжа человек может настолько измениться?

С чего бы ему раньше не замечать, что эта девчонка, когда тихая и послушная, на самом деле довольно мила.

Он и сам не заметил, как первоначальное отвращение к Чи Сяочэн в этот момент изрядно померкло.

Указав на место напротив себя, он глухим голосом произвел:

— Садись.

Чи Сяочэн робко кивнула, одёрнула подол платья и перебралась на стул.

Сегодня её роль — застенчивая и пугливая малышка.

А макияж был лишь её защитной маской.

Прирост очков эмоций в голове не прекращался ни на секунду: пусть их было всего по два-three очка, не так много, как раньше, но Чи Сяочэн знала:

Дунфан Ян поддается её влиянию.

Она вела себя как перепуганный белый крольчонок, сидела как на иголках, а спустя мгновение, решив заговорить первой, опустила голову перед Дунфан Яном:

— Молодой господин Дунфан, по... пожалуйста, обругайте меня!

Дунфан Ян чуть не рассмеялся от злости и, подперев щеку рукой, посмотрел на Чи Сяочэн:

— С какой стати мне тебя ругать?

— Потому что... потому что я раньше вечно ходила за вами по пятам и доставляла вам неприятности. Я пришла извиниться, так что можете ругать меня как угодно!

Дунфан Ян приподнял бровь:

— Серьёзно, как угодно?

Чи Сяочэн подняла один глаз и тревожно взглянула на него:

— Ес... если можно, то не слишком сильно.

Ох уж эта занятная женщина.

Честно говоря, Дунфан Ян не мог понять, играет ли Чи Сяочэн комедию, но для его восприятия контраст между её прошлым и нынешним поведением был слишком велик.

Поэтому он решил спросить напрямую:

— Ты говоришь, что Су Тао наставила тебя на путь истинный в подвале, и теперь ты раскаялась. Мне даже кажется, будто перед мне совершенно другой человек. Расскажи-ка, как именно Су Тао тебя уговаривала?

Чи Сяочэн робко кивнула:

— На самом деле, когда я похитила Су Тао... ну, если это можно назвать похищением, закрыв её в подвале, я главным образом хотела предостеречь её, чтобы она держалась от вас подальше.

— Молодой господин Дунфан, вы ведь и сами понимаете, Су Тао очень рассудительна и добра. Даже когда я угрожала ей, она не сердилась, а вместо этого сказала мне, что меня просто сбили с толку Сюхуа и остальные.

— Сюхуа? — с любопытством встрял Дунфан Ян.

Чи Сяочэн тут же свалила вину на человека, о котором позаботилась заранее:

— Это моя подруга. И то, что я красилась, и то, что нападала на Су Тао, — всему этому меня научила она. Она говорила, что вы, молодой господин Дунфан, и молодой господин Е Лян, на самом деле с самого начала любили меня, просто Су Тао вас отняла.

— И поэтому... поэтому...

Чи Сяочэн не стала продолжать и в стыде опустила голову.

Дунфан Ян подхватил мысль на оставленной ею ноте:

— И поэтому ты и вправду в это поверила?

— Угу, — тут же поспешила оправдаться Чи Сяочэн. — Но там, в подвале, Су Тао всё мне по полочкам разложила. Она была словно лунный свет, до которого можно дотянуться рукой, упала на меня и разогнала тьму. Я... я ведь раньше творила с ней такие ужасные вещи!

— Какая же я нелюдь!

Чи Сяочэн изобразила жест, будто собирается отвесить себе пощёчину.

А затем принялась на все лады захлѐб расхваливать достоинства Су Тао.

Дунфан Яну было очень приятно это слушать.

Потому что он и сам считал Су Тао идеальной, а слова Чи Сяочэн попали прямо ему в сердце.

Когда возник этот душевный отклик, он подсознательно поверил словам маленькой лоли хотя бы на самую малость.

Однако вслух он всё ещё бросал презрительные реплики:

— Какая же ты всё-таки дура.

— И... извините!

— Подними голову.

Услышав этот властный тон, Чи Сяочэн снова высоко подняла головку, лишь испуганно озираясь по сторонам.

Её изящное личико во всей своей красе предстало перед Дунфан Яном. Даже этот молодой господин, повидавший бесчисленное множество красавиц, всё равно счёл Чи Сяочэн в её естественном виде очень миловидной.

Впрочем, до Су Тао ей всё равно далеко!

Мысленно добавил он, после чего обратился к Чи Сяочэн:

— Я ещё готов поверить тебе, но если выяснится, что ты меня обманула, тебе конец!

— Н-нет... не будет такого! — Чи Сяочэн выглядела крайне растерянной. — Я знаю, что не ровня молодому господину Дунфану, и больше не стану за тобой увиваться!

— Угу.

Дунфан Ян глубокомысленно кивнул, расспросил о подробностях того, что произошло в подвале, и только после этого решил отпустить Чи Сяочэн.

Однако он заметил, что эта маленькая лоли как-то застенчиво мнется, словно хочет еще что-то сказать.

Он спросил:

— У тебя ещё что-то есть?

Чи Сяочэн слегка кивнула, достала телефон и зашла в ленту друзей.

В ту самую запись, где она выложила своё фото без макияжа.

С очень серьезным личиком она сказала Дунфан Яну:

— Эм, эта фотография... она правда без макияжа!

Уголки губ Дунфан Яна дернулись.

Чуть больше часа назад он написал в ответе: если эта фотография не отретуширована, он сожрёт три цзиня дерьма.

Пришла поиздеваться?

Он уже было хотел выругаться, как вдруг заметил, что его собственный комментарий под той записью исчез.

Она удалила его первой?

Довольно предусмотрительно с её стороны.

Он потёр нос и больше ничего не сказал.

А Чи Сяочэн, прекрасно собрав последний урожай баллов эмоций, в панике сбежала из кофейни.

До самого конца она поддерживала образ милашки.

Пока её хрупкая фигурка не скрылась в конце улицы, Дунфан Ян лишь легко фыркнул:

— Ломается тут.

Опомнившись, он щёлкнул пальцами.

Сидевший за соседним столиком и попивавший кофе мужчина в чёрном почтительно поднялся и спросил:

— Молодой господин, каковы будут указания?

— Выясни, какие отношения связывают Чи Сяочэн и этого Се Хуа. Ты же слышал то, что она только что сказала, проверь, насколько она соврала.

— Слушаюсь, молодой господин.

Покинув кафе, Чи Сяочэн с радостным видом выходила из школьных ворот:

— Система, сколько баллов эмоций я набрала на этот раз?

За это время Дунфан Ян предоставил хозяйке 214 баллов эмоций.

Главная героиня Су Тао предоставила хозяйке 32 балла эмоций.

Сейчас у хозяйки в общей сложности 271 балл эмоций.

— Отлично, покупаю содержимое со сто сорокового по сто шестидесятый главой романа!

Именно в этих главах происходил вывод из сюжета её персонажа — пушечного мяса женского пола. Но по стандартным законам романов: стоит одному злодею сойти со сцены, как для подготовки почвы на неё должен выйти другой.

Противоречия и конфликты — это то, что сильнее всего раскачивает эмоции в романе.

Именно благодаря им главный герой может совершать поступки как по своей воле, так и вынужденно.

Чи Сяочэн нужен был способ незаметно подобраться к Су Тао, чтобы воплотить в жизнь собственный план.

Содержимое романа влилось в её сознание, и Чи Сяочэн, стоя у ворот школы, постепенно почувствовала во взгляде радостное предвкушение.

В этих двадцати главах первые десять повествовали о том, как первоначальная владелица тела Чи Сяочэн испортила ножом лицо Су Тао, проткнула ей грудь, после чего была убита Е Ляном.

А следующие десять... глава 10 — угроза.

После того как злодейка Чи Сяочэн сойдёт со сцены, на арену должен был выйти новый злодей, который вызовет у читателей ненависть.

Одна из нынешних лучших подруг Су Тао — Чэнь Цянь!

Именно она являлась новой злодейкой, появившейся в последующих главах.

Чэнь Цянь подружилась с Су Тао только после поступления в университет, но притворялась невинной овечкой мастерски и без сучка и задоринки.

Перед Су Тао она была болтливой и понимающей лучшей подругой.

А за спиной Су Тао — завистливым злым демоном.

Они с Е Ляном учились в одной и той же старшей школе и поступили в один университет. Хотя семья Чэнь Цянь была весьма заурядной, она давно вынашивала планы замахнуться на недостижимое и загодя записала Е Ляна в свои парни.

Но стоило им поступить в университет, как всего за два месяца Е Лян оказался очарован Су Тао настолько, что потерял голову.

Чэнь Цянь ненавидела её. С какой стати какая-то сирота из глухой деревни получила безраздельную любовь Е Ляна?!

В оригинальном сюжете через два дня должен был состояться школьный баскетбольный матч.

Дунфан Ян и Е Лян выступали друг против друга в качестве соперников.

Лицо Су Тао было искромсано Чи Сяочэн, но она всё равно упорно собиралась прийти, чтобы поддержать обоих.

Чэнь Цянь рассудила, что раз у Су Тао испорчено лицо и больше нет этой божественной красоты, Е Лян никак не сможет любить её.

Поэтому она задумала подстроить всё так, чтобы Су Тао опозорилась на баскетбольном матче, а позже собиралась столкнуть её с лестницы, чтобы и без того пострадавшей героине

пришлось пережить ещё больше невзгод.

Этой лучшей подругой вполне можно воспользоваться!

Чи Сяочэн сжала кулаки, а на её губах заиграла злая усмешка.

По сюжету она — соседка Су Тао по комнате. Самое время заглянуть к ней в общежитие, а если там окажется главная героиня, можно будет заодно надавить на неё и срубить ещё немного баллов эмоций.

Сказано — сделано. Чи Сяочэн свернула в сторону и зашагала к женскому общежитию.

Корпус Тяньхэюань, дом 4.

Её собственная комната тоже находилась здесь, только чуть дальше от Су Тао: у неё — 513-я, а у Су Тао — 801-я.

Поскольку школа находилась недалеко от дома, Чи Сяочэн оформила дневное обучение, но иногда всё же ночевала в общежитии.

Поднявшись на лифте к двери 801-й комнаты, Чи Сяочэн обнаружила, что та не заперта. Укравкой заглянув в приоткрытую щель, она стала свидетелем поразительной картины.

Какая-то девушка сыпала какой-то белый порошок в воду из стакана!

На этом стакане красовались наклейки с несколькими персиками — не тот ли это самый стакан Су Тао?

И кто же был организатором сего действия, если не Чэнь Цянь?

Чи Сяочэн укравкой достала телефон.

Хрусь —

Раздался звук, мгновенно испугавший Чэнь Цянь, которая тут же обернулась:

— Кто здесь?!

Заметив хрупкую девушку с двумя хвостиками, Чэнь Цянь торопливо прикрыла стакан с водой спиной и прикрикнула:

— Ты кто такая, почему ты меня снимаешь?!

Чи Сяочэн толкнула дверь, её губы тронула непринужденная улыбка:

— Вообще-то я собиралась поискать Су Тао, но никак не ожидала такого приятного сюрприза. Скажи-ка, сестричка, подсыпать яд в чужой стакан — это ведь нехорошо, да?

— К-кто подсыпал яд?!

Заикаясь, Чэнь Цянь украдкой запихнула пакетик с порошком в задний карман.

Она свирепо уставилась на Чи Сяочэн, пытаясь её запугать.

Чи Сяочэн легко улыбнулась и покачала телефоном:

— А у меня ведь есть доказательства.

— Ты...

Чэнь Цянь вспомнила только что услышанный звук срабатывания затвора, её лицо посинело. Внимательно всмотревшись в лицо Чи Сяочэн, она вдруг потрясенно выдохнула:

— Ты — Чи Сяочэн?!

— Кто я такая — неважно, — бесстрастно произнесла Чи Сяочэн. — Важно то, как, по-твоему, отреагирует Е Лян, если я перешлю ему эту фотографию?

— О, кстати! — Чи Сяочэн посмотрела в сторону кровати Су Тао. — Сколько тут мужских вещей... Неужели кто-то хотел сделать фотографии, а потом пустить их в народ, чтобы оговорить Су Тао в распушенности?

— О боже, если Е Лян узнает об этом, он ведь наверняка ужасно разозлится, да?

— И тогда у этого кого-то больше не останется шансов, верно?

Чи Сяочэн в упор смотрела на Чэнь Цянь, и из её уст продолжали сыпаться угрозы:

— И даже не думай вырвать телефон у меня из рук. Стоит мне крикнуть о помощи, как сюда сбегутся девчонки со всего этажа, чтобы поглазеть на скандал — спорим?

Лицо Чэнь Цянь помрачнело пуще прежнего. Она понятия не имела, откуда Чи Сяочэн узнала, что она любит Е Ляна.

Но всё, о чём та говорила, составляло самые сокровенные страхи Чэнь Цянь.

Не имея выбора, она была вынуждена пойти на попятную:

— Чего ты хочешь? Денег?

— Не нервничай, мы в одной упряжке.

Чи Сяочэн придвинула стул, заодно защелкнув изнутри замок входной двери, и спокойно сказала Чэнь Цянь:

— Я, как и ты, хочу, чтобы Су Тао держалась подальше от Е Ляна. Ты хочешь подставить её, чтобы покрыть позором и добиться расположения Е Ляна, верно?

— Ну и что с того?

— Я могу тебе помочь! — Чи Сяочэн обнажила острые клыкастые зубки, а на её личке запечатлелась фирменная улыбка злодейки. — Раз ты знаешь моё имя, то наверняка в курсе и того, что я натворила.

— Но ты ведь тоже любишь Е Ляна! — насторожилась Чэнь Цянь. — Ты моя соперница!

Чи Сяочэн вздохнула:

— Проблема сейчас в том, что Е Лян душой и телом предан Су Тао. А люблю я его или нет — это тебя волновать не должно.

С этими словами она пренебрежительно цокнула языком:

— Ладно, к чему столько слов? Ты же не думаешь, что у тебя ещё остался выбор?

Она снова помахала телефоном.

А затем бросила бутылку воды, купленную по дороге.

— Выпей-ка это.

Чэнь Цянь нахмурилась и подняла с пола минералку:

— Нонфу Шаньцюань?

Чи Сяочэн чуть улыбнулась:

— Пей давай.

Хотя Чэнь Цянь не понимала, что затеяла Чи Сяочэн, ей всё же пришлось подчиниться.

Но стоило воде попасть ей в рот, как она резко осознала неладное — её лицо побелело:

— Почему эта вода такая горькая?!

Чэнь Цянь вытаращила глаза и с неверием уставилась на этикетку.

Это же Нонфу Шаньцюань!

Притом бутылка была даже не распечатана. Просрочена, что ли?

Разумеется, она не знала, что, передавая ей бутылку, Чи Сяочэн уже применила навык добавления жидких ингредиентов, изменив вкус воды.

— Это яд собственного изготовления. Изначально я приберегала его для Су Тао, но пока можешь послужить средством контроля для тебя.

— Яд?!

— Ага, — кивнула Чи Сяочэн. — Противоядие нужно принимать раз в неделю, иначе мясо на твоём лице начнет гнить и разваливаться.

При этих словах Чэнь Цянь испуганно швырнула бутылку с минералкой в сторону.

Тут же зажав рот рукой, она принялась отчаянно давить на основание языка, пытаясь вызвать рвоту.

Чи Сяочэн невозмутимо подобрала полупустую бутылку:

— Я знаю, что ты замышляешь против Су Тао, но не спеши так сильно. Пока что сохраняй с ней видимость хороших подруг, а позже я придумаю, как заставить её уйти от Е Ляна.

<http://bllate.org/book/21395/2180986>